

АКАДЕМИЯ
МАГИИ

Дурелия.

Дар чужой души

РАЯ ВЕЛЬС

Рая Вельс

Аурелия. Дар чужой души

<https://litres.ru/74243193>

SelfPub; 2026

Аннотация

Татьяна была уверена, что после сна обязательно проснётся дома.

Так происходило всегда.

Но однажды всё изменилось.

Теперь ей предстоит жить в теле бедной служанки, привыкнуть к миру, где магия — такая же часть жизни, как воздух, разобраться, почему именно её вызывает Академия магии, и понять, что чужая судьба всё сильнее становится её собственной.

Только вот есть одна проблема.

Татьяна ничего не знает ни о магии, ни о том, как выжить среди тех, кто считает её всего лишь прислугой.

Зато у неё есть чувство юмора, упрямство и опыт работы воспитательницей.

Иногда этого оказывается гораздо больше, чем любой магический дар.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	61
Глава 9	68
Глава 10	75
Глава 11	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Рая Вельс

Аурелия. Дар чужой души

Глава 1

— Опять? — подумала я, ещё не открывая глаз.

Впрочем, а чего я ожидала? Что однажды проснусь в шёлковых простынях с запахом лаванды и видом на море? Нет, судя по амбре, которое встретило меня раньше, чем успело проснуться моё сознание, я снова была здесь. В этой каморке. В этом теле. В этой жизни, которая мне, строго говоря, не принадлежала.

Я осторожно натянула на нос одеяло — и тут же поняла свою ошибку. Одеяло было настроено убить меня быстрее хозяйки этого тела. Старое, колючее, пропитанное всей историей здешнего существования, оно действовало безотказно — как нашатырь, только в обратную сторону. Не приводило в чувство, а окончательно добивало.

Каморка, надо сказать, ему в этом деле охотно помогала.

Низкий потолок с трещиной, которая с каждым моим визитом, кажется, становилась чуть длиннее. Окошко размером с форточку, забранное деревянной ставней, сквозь щели которой тянуло утренним холодом. Топчан под моей спиной, накрытый грубым матрасом, и сундук в углу — вот и всё бо-

гатство Аурелии. Негусто для человека, который тащит на себе половину хозяйского дома.

Хозяйка этого тела, к слову, имела привычку уходить в отпуск именно тогда, когда дел было по горло и ещё немножко сверху. Я уже не обижалась. Просто принимала как данность — как принимают плохую погоду или понедельник.

— Вставай, быстро! — затараторила моя соседка по комнате, свешиваясь с соседнего топчана. Звали её Мила — круглолицая, черноглазая, с косой толщиной в мою руку и неиссякаемым запасом энтузиазма, который меня одновременно восхищал и утомлял.

— Представляешь, сегодня будем мыться!

Я тихо вздохнула и перевела взгляд на Милу.

— Неужели праздник? — спросила я.

— Да ты дослушай! У хозяйки сегодня приём! Настоящий! По случаю того, что молодая госпожа Виллина поступила в академию магии. Будут важные гости, и нас с тобой выбрали прислуживать за столом!

Академия магии, значит. Молодая госпожа Виллина, которая за всё время моих визитов в этот дом ни разу не удостоила прислугу взглядом ниже подбородка, теперь отправляется постигать высокое искусство волшебства. Что ж. Бывает.

— Ах, какая честь, — сказала я с чувством, садясь на топчане и нащупывая ногами холодный пол. — Просто мечта всей моей жизни — таскать подносы и улыбаться павлинам,

пока те рассуждают о магических искусстваах.

— Вот умеешь ты всё испортить.

— Это талант. Годами оттачивала.

Мила уже вскочила и деловито заплетала косу, явно не разделяя моего философского настроения. Я же потратила ещё минуту на то, чтобы мысленно поздороваться с собственным отражением в крохотном мутном зеркальце на стене. Отражение смотрело на меня без особого энтузиазма. Впрочем, я его понимала.

— Идём уже. Все слуги давно внизу.

Кое-как собрав волю в кулак и раскиданные по всему телу косточки в одну кучу, я сползла с этого вонючего ложа и величественно поплыла к сундуку. По крайней мере, мне очень хотелось верить, что выгляжу я именно величественно, а не как поднятый среди ночи умертвий с выражением глубокого недоумения на лице. Я остановилась возле сундука и тяжело вздохнула. Одеваться всё равно было нужно.

Платье у Аурелии было всего одно. Серое, когда-то, возможно, бывшее другого цвета, с заштопанным подолом и пуговицей, которая держалась на честном слове и лёгком везении. Я влезла в него с привычной обречённостью человека, который знает, что альтернативы нет.

— Ну и ладно, — сообщила я платью. — Зато гостям сегодня выпадет редкая возможность приобщиться ко всему богатству местных ароматов. Будет что вспомнить.

Платье промолчало. Оно вообще было немногословным.

Зато пахло за двоих.

Во дворе нас уже ждала экономка — госпожа Бертта, женщина с осанкой гвардейского полковника и взглядом человека, который давно разочаровался в человечестве, но продолжает нести свой крест с достоинством. Она стояла посреди двора, держа в руках стопку свёртков, и оглядывала выстроившихся слуг с видом полководца перед решающей битвой. Пока она окидывала нас своим фирменным взглядом, я воспользовалась редкой возможностью спокойно осмотреться.

Двор при утреннем свете выглядел... ну, скажем так, по своему живописно. Большой каменный дом в два этажа нависал над нами с видом усталого аристократа, который давно смирился с тем, что лучшие годы позади. Черепица на крыше потрескалась кое-где, плющ разросся по стенам не по замыслу, а по недосмотру, мощёный двор хранил в своих неровных камнях память обо всех, кто когда-либо об них спотыкался. Я в том числе — в первый свой визит сюда я познакомилась с одним таким камнем весьма близко.

Сбоку тянулся небольшой яблоневый сад — старые деревья с кривоватыми стволами, которые, несмотря на возраст, выглядели на удивление крепкими. В центре двора стоял колодец, а рядом с ним — две внушительные деревянные бочки, возле которых уже топтались несколько слуг.

— Сегодня перед приёмом вы все приведёте себя в порядок, — объявила госпожа Бертта тоном, не предполагаю-

щим возражений. — После — получите праздничную форму. Завтра вернёте всё в чистом виде. Хозяйка не настолько выжила из ума, чтобы тратить своё состояние на... — она выдержала паузу, окинув нас взглядом, — на постоянное обновление вашего гардероба.

— Какая мудрая женщина, — искренне восхитилась я. — Вот это я понимаю — голова!

Осуждающий взгляд госпожи Бертты пригвоздил меня к месту с точностью хорошо брошенного ножа.

Ой.

Кажется, моё восхищение прозвучало недостаточно убедительно. Я тут же растянула самую невинную улыбку из своего арсенала и даже изобразила что-то отдалённо напоминающее книксен. Экономку это почему-то не впечатлило. Она просто молча протянула мне свёрток и перевела взгляд на следующего.

Банная процедура открылась торжественно — первой в бочку окунулась самая старшая из служанок, тётушка Орса, дама лет пятидесяти с выражением человека, который всё видел и ничему уже не удивляется. Окунулась прямо в одежду, вышла, отряхнулась — и отошла в сторону. Следующая.

Я наблюдала за этим действием с нарастающим изумлением.

— И это всё? — уточнила я у Милы, которая уже пристроилась в очередь.

Та вытаращила на меня свои огромные чёрные глазища.

— Вода же холодная. Кто ж осмелится окунуться больше двух раз?

— Ааа... — протянула я. — Ну да, логично. Я именно это и имела в виду.

Помолчав немного, всё-таки спросила:

— Слушай, а озеро тут поблизости есть? Или речка какая?

Мила посмотрела на меня с таким ужасом, будто я предложила ей в одиночку отправиться на переговоры с драконом.

— Там же глубоко, — прошептала она, покосившись по сторонам, словно само озеро могло её услышать. — И чудища водятся.

— Чудища, говоришь...

Я посмотрела на бочку. На очередь. На тётушку Орсу, которая уже успела немного обсохнуть и теперь с невозмутимым видом расчёсывала мокрые волосы. Потом снова на бочку.

Хоть тело и было не моим, но пока я в нём находилась — буду жить по-человечески. Аурелия, надеюсь, не обидится. В конце концов, я тут за неё работаю, пока она где-то отдыхает. Небольшая компенсация вполне справедлива.

— В какой стороне озеро? — уточнила я.

Мила молча показала в сторону ворот. Глазища у неё при этом стали совсем круглыми.

— Спасибо, — сказала я. — Ты не волнуйся. Я умею плавать.

— Но чудища...

— Милая моя, — похлопала я её по плечу, — я пять лет работаю воспитательницей в детском саду. После этого меня уже ничем не напугаешь.

Мила, судя по лицу, не очень поняла, что такое детский сад. Но спорить не стала. Я же пошла к воротам.

За воротами тропинка уходила в сторону старых ив, а уже за ними открылось озеро — небольшое, тихое, укрытое от посторонних глаз. Утренний туман ещё не успел подняться и стелился над поверхностью тонкими полосами, отчего вся картина выглядела так, словно кто-то старательно рисовал иллюстрацию к сказке. Красиво, если честно. Почти неприлично красиво для такого раннего часа.

Я огляделась. Никого.

— Ну и отлично, — пробормотала я, отстёгивая пуговицу платья. — Извини, Аурелия. Сегодня купаемся нормально. Это в твоих же интересах, поверь.

Вода оказалась холодной. Очень. Примерно как первый день после отпуска — неизбежно и без какого-либо сочувствия к твоим чувствам. Я зашипела сквозь зубы, но отступить не стала. Не для того шла.

— Ничего, — сообщила я озеру, заходя по пояс. — Я воспитатель. После двадцати орущих детей холодная вода — это вообще отдых.

Озеро промолчало. А потом под водой что-то шевельнулось.

Что-то тёмное медленно скользило в мою сторону с ленивой уверенностью существа, которое здесь хозяин и прекрасно об этом знает. Я замерла.

— Ладно, — сказала я максимально спокойным голосом, потому что кричать было не перед кем, а значит и незачем. — Значит, чудища всё-таки водятся. Хорошо. Бывает. Это нормально.

Существо продолжало приближаться, а контроля над ситуацией не было от слова совсем.

Дорогие мои, спасибо, что начали это путешествие вместе со мной. Если история Аурелии вас заинтересовала, добавляйте книгу в библиотеку и подписывайтесь на мою страницу, чтобы не пропустить продолжение. Мне будет очень приятно знать, что вы рядом.
#

Глава 2

— Мне очень не нравится это движение под водой, — подумала я, и с каждой секундой эта мысль становилась всё убедительнее. Потому что то, что двигалось там, в глубине, явно не собиралось останавливаться. Мгновенная мысль стрельнула в голову — развернуться и убраться отсюда со всей возможной скоростью, пока это «что-то» не добралось до поверхности.

— Блестящая идея, Татьяна Сергеевна. Чтобы ещё дефилировать тут в чём мать родила мимо всей честной компании? Нет уж, стоим.

Как там я учила своих детишек? «Нужно смотреть страхам в глаза».

Точно.

Очень мудро, между прочим.

Жаль только, что никто из них не уточнил, что делать, если у страха зубов больше, чем у тебя пальцев. А ещё никто не говорил, что страх может оказаться вполне реальным.

Я сглотнула и невольно вцепилась пальцами в мокрую ткань платья, которое только что собиралась постирать.

Из тёмной глубины медленно поднималось что-то огромное. Оно приближалось спокойно, без единого резкого движения, словно заранее знало, что добыча никуда не денется.

С каждой секундой над водой показывалось всё больше

огромного тела. Громадная фигура поднялась почти целиком, заслонив собой половину неба.

Я медленно подняла взгляд и встретила с огромными янтарными глазами. Они смотрели на меня с высоты верхушек старых ив. И только тогда до меня дошло, что их хозяин был размером примерно с половину хозяйского дома.

Дракон. Настоящий.

Он смотрел на меня. Я на него.

Судя по выражению его морды, такого утра не ожидала не только я. Где-то в глубине сознания здравый смысл настойчиво предлагал мне зажмуриться и притвориться, что меня здесь нет. Соблазнительная идея, если честно. Одна проблема — дракон уже смотрел на меня в упор, и момент для невидимости был, пожалуй, упущен.

Зато какой красивый, думала я совершенно некстати. Нет, правда. Чешуя тёмная, с каким-то синеватым отливом там, где её касалось утреннее солнце, янтарные глаза светятся изнутри, крылья сложены вдоль боков с таким достоинством, будто он только что с парада. Я таких в живых не видела. Я таких вообще нигде не видела, кроме как в книжках с картинками, которые читала своим детишкам на тихом часу.

Дракон из книжки, впрочем, не смотрел на меня с таким задумчивым интересом.

Этот смотрел.

— Ну и чего уставился? — спросила я, потому что молчать становилось совсем уж неловко. — Не видел, как люди

купаются?

Янтарные глаза моргнули.

Судя по всему — видел. Но обычно это заканчивалось иначе, и сейчас он пытался понять, что пошло не так. Дракон склонил голову набок — медленно, с каким-то птичьим любопытством — и продолжал молча изучать меня с высоты своего немаленького роста. Ждал, наверное, что я всё-таки одумаюсь и начну реагировать правильно. То есть с визгом.

Визга не последовало.

Вместо этого я выдохнула, разжала пальцы на мокрой ткани платья и сказала самое разумное, что пришло мне в голову в данных обстоятельствах:

— Слушай, раз уж ты здесь и явно никуда не торопишься — у тебя мыла нет случайно? Или чего-нибудь такого? Просто я сюда всё-таки купаться пришла, а свёрток с хозяйским мылом на берегу остался, и возвращаться за ним как-то... неудобно. В смысле, ты стоишь между мной и берегом. Приблизительно.

По его морде пробежало выражение такого искреннего недоумения, что мне даже стало немного неловко.

Потом вода вокруг него взбурлила, туман взвился столбом — и на том месте, где только что возвышалось это великолепное чешуйчатое чудо, обнаружился молодой человек. Тёмные волосы, те же янтарные глаза, лет двадцать на вид, не больше, и выражение лица человека, у которого только что аккуратно выдернули почву из-под ног, а он всё никак

не может решить — обидеться или засмеяться.

Стоял он прямо на воде. Ну хоть что-то впечатляющее осталось.

Я несколько раз моргнула.

Нет. Он действительно никуда не исчез.

— Ты ведь слышала, что здесь живёт чудище? — спросил он неожиданно.

— Ну да. Мне соседка по комнате сказала. Погоди... Так это ты местное чудище?

Он неожиданно усмехнулся.

— Так все считают.

— И тебя это совсем не задевает?

Посмотрев на меня, он спокойно сказал:

— Чужие страхи — это не моя ответственность.

Я усмехнулась.

— Удобная жизненная философия.

Он смотрел на меня долгую секунду. Потом что-то в его лице изменилось — растерянность никуда не делась, но к ней добавился азарт, и эта смесь сделала его физиономию значительно интереснее.

— Ты попросила меня о мыле, — сказал он наконец. Медленно. Как будто проверял, правильно ли расслышал.

— Ну, да.

Он медленно поднял руку, пошевелил пальцами — и на ладони появился небольшой кусок мыла, пахнущий травами и чем-то удивительно свежим.

— Держи, — сказал он.

— Вот это другой разговор, — одобрила я, забирая. — Спасибо. И отвернись, пожалуйста.

— Что?

— Отвернись, — повторила я терпеливо. — И к тем ивам отойди. Вон туда. Мне ещё из воды выходить надо и одеваться, а ты стоишь тут со своими янтарными глазами и в целом присутствуешь.

Он смотрел на меня с видом существа, которое впервые в жизни получило подобную просьбу и не вполне понимает, как встроить её в картину мира. Потом, с достоинством, которому позавидовала бы госпожа Бертта, развернулся и пошёл к берегу.

— Как тебя зовут? — спросил он, уже стоя спиной ко мне.

— Аурелия. А тебя?

— Рэн, — сказал он. И после короткой паузы добавил, и в голосе его мне почудилась лёгкая усмешка: — Странная ты, Аурелия.

— Мне говорили, — согласилась я, намыливая волосы.

Купание много времени не заняло — не потому что я топилась, а потому что вода к этому моменту напоминала растопленный лёд, и организм Аурелии, судя по всему, был с такими температурами знаком исключительно теоретически. Я выбралась на берег, отжала волосы, натянула праздничную униформу из свёртка — всё-таки хорошо, что успела прихватить его с собой — и оглянулась.

Рэн стоял у ивы спиной ко мне, руки в карманах, с видом человека, которому совершенно неинтересно, что происходит у него за спиной. Настолько неинтересно, что он даже нарочно смотрел в другую сторону. Очень убедительно, ничего не скажешь.

— Можно поворачиваться, — сказала я.

Он обернулся и посмотрел на меня так, как смотрят не на человека, а на задачку, которую никак не получается решить, — долго, внимательно, с лёгкой морщиной между бровями.

— Ты знаешь что у тебя магия есть? — спросил он наконец.

Я замерла. Вот так вот, между прочим, между делом — есть, и всё.

— С чего ты взял?

— Чувствую, — он пожал плечом, как будто сообщал что-то совершенно очевидное, вроде того что небо голубое и трава зелёная. — Я дракон. Мы такое чувствуем. Сильная, кстати. Очень сильная.

— А ты знаешь что я служанка? — спросила я в ответ, — у служанок не бывает магии, это местный закон природы, если ты не в курсе.

— Бывает, — возразил он просто. — Редко. Но бывает.

За воротами уже вовсю кипела жизнь, и времени на философские беседы с драконами у меня оставалось всё меньше.

— Разговор конечно интересный, но мне идти надо, — сказала я.

— Знаю. — В уголке его рта снова появилась та самая усмешка, лёгкая и чуть предвкушающая, будто он уже знал что-то такое, чего я пока не знала. — Увидимся, Аурелия.

— Не факт.

— Факт, — сказал он. — Ещё и не раз.

Я развернулась и пошла к воротам, решив великодушно оставить последнее слово за ним — исключительно потому что времени на споры уже не было, и ни по какой другой причине.

Его взгляд с золотистым отблеском ещё долго стоял у меня перед глазами. Даже когда я уже шагала через двор навстречу госпоже Бертте и её фирменному взгляду — тому самому, от которого у нормальных людей, наверное, подкашивались колени.

Красивые глаза, что ни говори. Жаль, что у дракона.

Госпожа Бертта оглядела меня с ног до головы — мокрые волосы, праздничная форма, совершенно невозмутимое выражение лица — и всё поняла без слов. Долгая пауза. Такая, знаете, пауза, которая сама по себе является приговором.

— Купалась, — подтвердила я прежде, чем она успела спросить. — И платье постирала заодно, пока была возможность. Экономия времени.

Лицо госпожи Бертты прошло несколько живописных стадий — от немого вопроса к тихому ужасу, от тихого ужаса к усталому смирению человека, который слишком давно работает с людьми и давно перестал чему-либо удивляться. Она

набрала воздух, явно собираясь сказать что-то весомое, потом посмотрела на меня, на небо — и выдохнула.

Это было красноречивее любых слов.

— Дальний стол, — сказала она наконец голосом, из которого были аккуратно убраны все эмоции. — Закуски. Молча. С улыбкой. Рот открываешь только если гость сам обратился. Поняла?

— Молча и с улыбкой, — повторила я с самым послушным видом, на который была способна в данных обстоятельствах.

Госпожа Бертта посмотрела на меня долгим взглядом — тем самым, который, подозреваю, оттачивался годами и в своё время заставлял трепетать людей куда более опытных, чем я. Потом развернулась и ушла, унося с собой достоинство и список нерешённых вопросов ко вселенной.

Я смотрела ей вслед и думала, что жить в этом доме, наверное, непросто. Особенно если ты госпожа Бертта и тебе достались такие подчинённые.

Глава 3

Дом сошёл с ума примерно за час до прихода первых гостей.

Не постепенно, — а сразу и целиком, как будто кто-то перевернул муравейник и все его обитатели одновременно решили, что именно сейчас самое время бежать в разные стороны с максимально озабоченным видом. Повара носились по двору с такими лицами, будто от результатов сегодняшнего торжества зависела судьба империи — а может, так оно и было, я не уточняла. Кухарки перекрикивались через весь двор, прижимая к груди противни с пирогами с таким видом, будто несли не выпечку, а государственную тайну. Конюхи у ворот принимали первые экипажи — громко, суетливо, с характерным лязгом и отборными выражениями, которые они, впрочем, тут же приглушали, стоило кому-то из гостей выглянуть наружу.

Садовник дядюшка Горм, человек в обычное время немногословный и невозмутимый, как его же грабли, сегодня гонял по клумбам троих мальчишек-помощников с такими воплями, что птицы срывались с крыш. Судя по долежавшим обрывкам фраз, мальчишки умудрились затоптать что-то важное именно сегодня, именно здесь, и дядюшка Горм намеревался довести до их сведения всю глубину этой трагедии. Мальчишки, судя по скорости, с которой они на-

резали круги по двору, глубину осознавать не торопились.

Госпожа Бертта перемещалась в центре всего этого хаоса с видом человека, который давно принял, что окружён идиотами, но сдаваться не намерен. Она не бегала — она шествовала, и там, где она появлялась, суэта немедленно приобретала хоть какое-то осмысленное направление. Один взгляд — и повар разворачивался обратно на кухню. Два слова — и кухарки выстраивались в подобие очереди. Три — и даже самые болтливые слуги внезапно находили в молчании особую прелесть. Я смотрела на это с искренним восхищением и надеялась, что до меня госпожа Бертта сегодня считать не станет. На всякий случай держалась от экономки на безопасном расстоянии и делала вид, что очень занята подносом.

Всё это, напомним, в честь того, что молодая госпожа Виллина поступила в академию магии. С магическими способностями, которые, если верить шёпоту на кухне, были примерно на уровне способности зажечь свечу — да и то не с первого раза. Но хозяйка, судя по масштабу происходящего, намеревалась праздновать так, словно её дочь как минимум стала придворным магом его величества. Ну и пусть. Повода для праздника в этом доме, похоже, давно не было, а пироги пахли на весь двор совершенно восхитительно. Я украдкой стащила один с подноса ещё на кухне. Исключительно в целях контроля качества.

Когда солнце перевалило за полдень, двор наконец перестал греметь колёсами экипажей, а всё веселье окончательно

переместилось в дом.

Я стояла у дальнего стола с подносом и разглядывала местную знать. Уже в первые минуты своего наблюдения я выявила одну любопытную странность. Некоторые дамы постарше были разрисованы так, словно пришли не на торжественный приём, а на маскарад. Но настоящим произведением искусства оказалась дама в лиловом. Она нанесла белила на лицо строго до первого подбородка. То ли на второй белил уже не хватило, то ли именно там заканчивалась граница владений и начиналась чужая территория. Не знаю. Но выглядело это настолько комично, что я едва удержалась, чтобы не улыбнуться.

Другая мадам звенела украшениями при каждом шаге так, что я сначала решила — приближается праздничная упряжка. Оказалось — браслеты. Штук двенадцать, не меньше, на каждой руке.

«Да её, наверное, за километр слышно», — мысленно хмыкнула я.

Да и вообще гости двигались с таким достоинством, будто одним своим появлением оказывали хозяйке огромную честь.

Один господин так усердно облил себя местными духами, что у меня немедленно зачесался нос. Я героически удержала чих, потому что госпожа Бертта стояла ровно в поле моего зрения и смотрела на меня с видом человека, готового пресечь любое предательство с моей стороны.

Продолжая разглядывать местную знать и проходя мимо стайки оживлённо беседовавших матрон, я поймала обрывок разговора.

— Магистр Арден снова отказался жениться, — сообщила одна дама другой тоном человека, которого это решение лично оскорбляет. Обе при этом бросили взгляд куда-то в сторону окна.

Умный человек, мысленно согласилась я и пошла дальше.

Когда гости окончательно освоились в зале, появилась хозяйка дома.

Я её раньше не видела — за все свои попадания в это тело как-то не доводилось. Невысокая, в тёмно-синем платье, с гладко убранными волосами и таким выражением лица, которое не назовёшь ни строгим, ни приветливым — просто очень точным. Она ничего не сказала и никому не махнула рукой. Просто вошла — и как-то само собой получилось, что экономка выпрямилась, слуги перестали перешёптываться, а гости развернулись в её сторону с улыбками. Хозяйка дома умела входить в комнату так, чтобы комната это почувствовала. Полезный навык, ничего не скажешь. Я мысленно сделала себе пометку — научиться. Пригодится на родительских собраниях.

Не заставила себя долго ждать и Виллина — виновница праздника, ради которого весь этот дом с самого утра стоял на ушах.

Её я узнала сразу. Не потому что была красиво одета, хо-

тя платье на ней было действительно хорошее, явно новое и дорогое. А потому что она шла так, будто всё вокруг было декорацией, специально выстроенной для неё лично.

Она остановилась у подноса с закусками, чуть повела носом и подозвала Милу лёгким движением руки — именно так, как подзывают не человека, а слугу, что в общем-то, по всей видимости, было для неё одно и то же.

— Замени, — сказала она, указав на блюдо с пирожками. — Они остыли.

Мила подхватила блюдо и поспешила на кухню. Виллина проводила её взглядом, поправила складку на скатерти — аккуратно, не глядя, как поправляют привычное, — и продолжила плыть дальше.

Ни один мускул на лице не дрогнул.

Хорошая школа, — похвалила я мысленно. — Видимо, в этом доме умение сохранять невозмутимость преподавали раньше, чем учились ходить.

Следующий час прошёл в режиме, который я мысленно назвала «улыбаемся и несём». Улыбаемся — раз. Несём поднос — два. Молчим — три. Последний пункт давался труднее всего, но я держалась. Попутно изучала гостей с профессиональным интересом человека, привыкшего наблюдать за людьми и молча делать выводы — этому меня тоже научила работа с детьми.

Господин с духами оказался громким — говорил так, будто собеседник стоял через улицу. Дама в лиловом смея-

лась, запрокидывая голову назад. Видимо, была уверена, что именно так выглядит аристократическая грация. Лично мне в глаза бросался второй подбородок, который так и остался без внимания художника. Несколько молодых господ в углу что-то горячо обсуждали — судя по лицам, нечто невероятно важное. Судя по тому, что никто из них ни разу не улыбнулся — скорее всего налоги. Или магия. Хотя, возможно, это здесь одно и то же.

Проходя мимо большого зеркала у стены, я на секунду притормозила. На меня смотрела Аурелия — праздничная форма, убранные волосы, поднос в руках. За её спиной в отражении плыли гости в шёлке и драгоценностях, смеялись, звенели бокалами, обсуждали оттенки сапфиров и чьи-то свадьбы.

Забавно, подумала я. Ещё несколько дней назад я покупала детям пластилин по скидке и спорила с методистом из-за сетки занятий. А теперь стою вот с этим подносом и слушаю, как люди на полном серьёзе рассуждают, какой оттенок сапфиров лучше подходит к вечернему платью. Синий, наверное. Я бы выбрала синий. Хотя меня никто не спрашивал.

Отвернувшись от зеркала я пошла дальше.

Я как раз разворачивалась с опустевшим подносом, когда меня остановила рука — без предупреждения, взяв за запястье так, будто я была не человеком, а дверной ручкой. Я обернулась.

Передо мной стоял немолодой господин. Румяный, холё-

ный и с тем выражением сытого довольства, которое у некоторых людей почему-то принимает форму чужого личного пространства. Руку он не убирал. Потом переместил её на талию — неторопливо, с видом человека, который делает одолжение.

— Хорошенькая, — сообщил он мне так, будто я сама об этом не знала.

— Благодарю, господин, — сказала я ровно. — Ваши руки, кажется, заблудились.

Про себя добавила: «Козлина».

Вслух — не добавила. Госпожа Бертта была ещё в зале, и у меня не было ни малейшего желания проверять, как она реагирует на подобные инциденты с участием своих подчинённых. Господин удивился и посмотрел на меня так, будто мебель неожиданно обрела собственное мнение. Но руку убрал — медленно, с ленцой, как будто это была его идея изначально. Изображать обиду он не стал — просто отвернулся и тут же переключился на соседний разговор, как будто меня уже не существовало. Ну и хорошо. Взаимно, если честно.

Я уже собиралась развернуться, когда почувствовала на себе взгляд.

Не такой, как у господина с блуждающими руками — тот смотрел так, как смотрят на витрину с пирожными, с хозяйским прищуром и полным ощущением права. Этот был другого свойства. Не жадный, не оценивающий — скорее такой,

каким смотрят на что-то неожиданно интересное в совершенно неинтересный день. Внимательный. Терпеливый. Как будто человек у окна никуда не торопился и заранее знал, что зрелище того стоит.

Я подняла голову — и почти сразу пожалела об этом, потому что взгляд серо-стальных глаз оказался именно тем, от которого сложно просто так взять и отвести глаза.

У окна стоял мужчина с бокалом в руке. Лет двадцати восьми, не больше. Он смотрел на меня без улыбки и удивления.

Потом едва заметно приподнял бокал.

Не тост. Просто жест. Как будто говорил: видел. Оценил. Продолжай.

Я отвернулась первой. Подхватила поднос и пошла к кухне, глядя прямо перед собой и делая вид, что всё в полном порядке. Что взгляды незнакомых мужчин на меня никак не действуют. Что я вообще ничего не заметила.

И всё же никак не могла отделаться от ощущения, что он до сих пор смотрит. И почему-то вспомнила обрывок разговора, пойманный час назад у стола.

«Магистр Арден снова отказался жениться».

Я невольно хмыкнула. Пожалуй, начинаю понимать почему.

Зачем жениться, если жизнь и без того отлично развлекает?

Глава 4

Нет. Этого не может быть.

Это просто фантомные запахи. Мозг иногда так шутит с непривычки, особенно по утрам, или когда очень хочется, чтобы всё оказалось сном. Сейчас я открою глаза, увижу свой белый потолок без единой трещины, услышу, как за стеной у соседей орёт телевизор, и пойму, что каморка, вчерашний приём и дракон с янтарными глазами были всего лишь сном.

Я открыла глаза.

— Так, чуда не случилось.

Потолок был низким, серым и с трещиной — той самой, которая с каждым моим визитом сюда становилась чуть длиннее, как будто дом вёл собственный молчаливый счёт чему-то, о чём я предпочитала не думать.

Я ещё какое-то время лежала, не сводя взгляда с этой трещины, словно она могла объяснить, что пошло не так. Потом медленно выдохнула, откинула одеяло и села. Мила спала на соседнем топчане свернувшись клубком, коса переброшена через плечо, лицо совершенно безмятежное, как у человека, которого жизнь пока не ставила перед вопросом «а вдруг я здесь навсегда». Я ей немного завидовала если честно.

Вместо того чтобы немедленно впасть в панику — а соблазн был, не буду врать — я начала считать. Это мой способ

справляться: когда не знаешь, что делать, считай, это хотя бы что-то. Первый раз попала сюда — вернулась домой. Второй — вернулась. Потом ещё и ещё, и каждый раз система работала безупречно, как расписание, или будильник. Легла здесь, проснулась дома. Всегда. Без исключений.

Но сегодня видимо что-то пошло не так. Неужели из-за магии которая проснулась? А у кого она вообще проснулась? У меня? Или всё-таки у Аурелии? Самым страшным было даже не то, что я не вернулась, а то, что я не понимала почему. И не знала — на сколько. День? Месяц? А может, мой телефон прямо сейчас лежит на тумбочке и разрывается от звонков. А Валентина Сергеевна уже набирает мой номер в десятый раз, и дети сидят без воспитателя. Артём наверняка с самого утра что-то устроил с кашей, а Соня опять на ладошках рисует, и Дима....Стоп. Я потрясла головой. Если я сейчас продолжу думать о них, то уже не остановлюсь. Думать о детях сейчас было больно, а главное — бесполезно. Я всё равно ничего не могла изменить.

Вместо этого я огляделась.

Каморка смотрела на меня с видом человека, которому давно на всё наплевать. Пыль на подоконнике лежала основательно и с хозяйской уверенностью — было видно, что её здесь никто никогда не трогал и она давно считает это место своим. Сундук в углу источал запах, который сложно было описать словами: что-то среднее между старым деревом, прошлым веком и чьей-то забытой жизнью. Тряпки в углу

оказались старой рубахой. По крайней мере, мне очень хотелось в это верить. Потому что если там уже кто-то жил, знакомиться с соседями с самого утра я была морально не готова. Одеяло валялось скомканное в ногах, и даже на расстоянии от него исходило что-то тяжёлое и непреклонное, как характер.

— Хорошо, — сказала я вслух. — Раз уж я здесь — буду жить по-человечески. Начнём с места преступления. Всё равно лучше всего думается, когда руки чем-то заняты.

Мила проснулась от моего голоса, открыла один глаз и уставилась на меня с видом человека, которого вырвали из хорошего сна ради чего-то совершенно непостижимого.

— Что?

— Убираться будем, — сказала я, уже стаскивая одеяло с топчана. — Мыть, чистить, выносить. В общем, приводить это место в состояние, пригодное для жизни.

— У нас работа, — простонала Мила, но уже садилась. — Госпожа Бертта нас живьём проглотит. Нельзя просто так взять и устроить уборку посреди рабочего дня, когда...

— Тем более, — перебила я. — Если уж умирать, то хотя бы в чистоте.

Мила посмотрела на меня, потом на сундук, потом на пыль, которая при утреннем свете выглядела особенно убедительно, и медленно встала — с выражением человека, принявшего решение идти на казнь достойно и без лишних слов.

— Если нас выгонят, — сказала она, — я скажу, что это

была твоя идея.

— Договорились.

Мы убирались по-настоящему, без скидок на размер каморки и на то, что всё равно ничего не изменишь. Мила оказалась неожиданно толковой, когда переставала возражать и просто делала, — двигала сундук, тёрла подоконник, выбивала тряпки во дворе так яростно, будто мстила им за все годы совместной жизни. Пыль взлетала столбом, а вместе с ней — и запас незнакомых мне слов, которые, судя по интонации, приличными не были.

В сундуке обнаружилось кое-что интересное. Старое платье неопределённого когда-то цвета. Моток верёвки. Глиняная фигурка зверя с отбитым ухом — что за зверь, я так и не поняла, что-то среднее между кошкой и существом, которого в моём мире точно не водилось. И небольшой пучок сухих трав, перевязанный выцветшей лентой, от которого пахло смолой и чем-то тёплым, почти домашним.

— Что это за травы? — спросила я.

— Трава от дурных снов, — сказала Мила, мельком взглянув. — Бабушка моя такую под подушку клала.

— Работает?

— Не знаю, — она пожала плечом. — Бабушка говорила, что да. Да она вообще много чего говорила.

Я положила пучок обратно. Пусть остаётся. Дурные сны мне сейчас точно ни к чему — своих мыслей хватает с избытком. Одеяло Мила отказалась нести к озеру категорически —

со второй попытки я поняла, что настаивать бессмысленно, и в итоге мы договорились так: всё, что требовало стирки, Мила несла к колодцу во дворе, а одеяло я потащила к озеру сама. Соседка смотрела мне вслед с таким видом, будто я уходила в последний раз.

— Там чудища, — сказала она мне в спину, когда я уже шла к воротам.

— Знаю, — ответила я.

Мила замолчала. Видимо, это был не тот ответ, которого она ожидала.

Озеро встретило меня неподвижностью и тишиной — не той мягкой утренней, которая бывает над водой на рассвете и от которой становится немного легче дышать, а другой, настороженной, как будто место помнило вчерашнее утро и ждало, что будет дальше. Ивы стояли без движения. Вода была тёмной и спокойной, без единой морщины на поверхности.

Я поставила одеяло на траву и некоторое время просто смотрела на воду.

Ничего. Никакого движения в глубине. Никаких янтарных глаз над поверхностью.

— Меня нет, — сказала я тихо, неизвестно кому. — Я просто стираю одеяло. Не обращай внимания.

Озеро промолчало, и это было, пожалуй, лучшим из возможных ответов.

Я зашла в воду по щиколотку и погрузила в неё одеяло.

Оно мгновенно напиталось водой, стало тяжёлым и каким-то упрямым, словно решило сопротивляться каждому моему движению. Это почему-то только сильнее раззадорило меня. Я принялась тереть ткань с таким остервенением, будто пыталась отмыть не только её, но и всё, что успело накопиться внутри меня самой. Злость. Растерянность. Бессилие. Всё смешалось в один тугой комок, который теперь выплёскивался в каждое движение. Я злилась на то, что не вернулась домой. На то, что до сих пор не понимала почему. И больше всего — на то, что вчера спокойно разговаривала с драконом о мыле, словно подобные встречи давно стали частью моей повседневной жизни.

В дальнем конце озера что-то медленно шевельнулось под водой.

Я замерла.

Руки остановились сами, без команды. Спина выпрямилась. Я смотрела туда, где только что была лёгкая рябь, и чувствовала, как всё внутри собирается в один напряжённый узел — не от страха, точнее, не только от страха, а ещё от чего-то, что я не очень хотела в себе признавать.

Рябь разошлась и пропала.

Я подождала ещё. Ничего.

Потом подхватила одеяло, и вышла на берег. Хватит. Постирали. На сегодня приключений достаточно.

Уходила я быстро, не оглядываясь.

У колодца уже ждала подруга. Увидев меня, она заметно

выдохнула и посмотрела с таким облегчением, какое бывает только у людей, которые до последнего ждали беды, а потом вдруг поняли, что всё обошлось.

Некоторое время мы стирали молча. Слышался только плеск воды да шорох мокрой ткани. Я никогда не умела долго молчать, а потому первой нарушила тишину.

— Слушай, а в академию магии — туда только знатные попадают? Или у кого деньги есть?

— Главное — дар, — сказала Мила, не отрываясь от стирки. — Без дара хоть золотом осыпья, не возьмут. А с даром возьмут, даже если ты из простых. Только у простых он почти не бывает.

— Почти?

Мила помолчала, прежде чем ответить.

— Говорят, бывало. Редко. Тётка рассказывала про одну женщину в деревне — самую обычную, ничем не примечательную. И вдруг у неё дар проснулся.

— И что с ней случилось?

— Тётка на этом месте всегда замолкала, — сказала Мила тихо. — Осеняла себя охранным знаком и меняла разговор. Я больше не спрашивала.

Я кивнула и тоже замолчала. Картина складывалась понятная. Редко. Заканчивается нехорошо. Охранный знак.

Очень воодушевляющая информация, ничего не скажешь.

— Слушай... А драконов ты когда-нибудь видела?

Мила даже перестала стирать.

— Драконов?

— Ну да.

Она посмотрела на меня так, будто я спросила, видела ли она живую звезду.

— Нет, конечно. Их мало кто видел. Они живут далеко отсюда. Иногда приезжают в Академию, но даже тогда редко показываются людям.

— Любопытно... — тихо пробормотала я.

Неужели у драконов проблемы с водоснабжением? Или он просто эстет и предпочитает именно это озеро?

После этого разговора мы обе как-то притихли. Молча закончили стирку, развесили бельё и только потом вернулись в каморку. Она встретила нас запахом воды и смолистых трав — Мила догадалась положить найденный пучок на подоконник, и теперь вместо вековой пыли здесь пахло чем-то живым, тёплым и почти домашним. Я остановилась на пороге и медленно обвела комнату взглядом. За каких-то пару часов она изменилась почти до неузнаваемости. Топчаны были аккуратно застелены, сундук наконец отмыт, а одеяло висело за окном, героически высыхая на свежем воздухе. Пусть само решает, выживет оно или нет. По крайней мере, шанс я ему дала.

— Уже лучше, — сказала Мила неожиданно.

— Да, — согласилась я. — Уже лучше.

Мы помолчали. И почему-то это молчание совсем не тяго-

тило. Наоборот — после общей работы слова стали как будто не нужны.

В следующий миг со двора донёсся резкий шум. Голоса, топот и дружное: «Глядите! Глядите!» — сразу с нескольких сторон заставили нас одновременно повернуть головы к окну.

Мила вскочила первой.

— Пойдём посмотрим.

Мы выбежали во двор, и я сразу поняла, из-за чего поднялся весь этот переполох.

У ворот стоял всадник. Молодой, прямой в седле, в одежде, которая даже издаലെка читалась как дорогая. Конь под ним был вороной, с такой постановкой головы, какая бывает только у животных, давно знающих себе цену. Часть слуг уже высыпала во двор. Судя по всему, работа в доме внезапно закончилась абсолютно у всех. Даже у тех, кто ещё минутой назад был занят по уши. Теперь все смотрели в сторону ворот с одинаковым выражением — смесью любопытства и предвкушения.

Всадник огляделся неторопливо — и спросил негромко, но так, что его слышали все:

— Здесь служит Аурелия?

Двор замолчал.

А потом все повернулись ко мне — разом, как будто кто-то скомандовал, — и смотрели с тем одинаковым выражением, которое я не умела читать, но которое явно означало что-

то важное.

Я смотрела на всадника.

Всадник смотрел на меня.

— Ну вот, — подумала я с той привычной иронией, которая к этому моменту стала моим основным способом существования в этом мире. — Только прибралась. Видимо, спокойная жизнь в очередной раз решила пройти мимо.

Глава 5

Двор замер — так, как замирают только тогда, когда происходит что-то, чего никто не ожидал и никто не понимает, но все чувствуют: это важно. Кто-то из кухарок за моей спиной начал шептаться с соседкой — быстро, едва слышно, как будто боялся спугнуть момент. Один из конюхов вытянул шею, чтобы лучше видеть. Мальчишки-помощники садовника стояли смирно и смотрели на всадника с тем самозабвенным интересом, с каким дети смотрят на всё, что не касается их напрямую, но выглядит захватывающе.

Я стояла в этом всеобщем внимании и думала, что очень надеюсь — это не счёт за вчерашнего дракона. Потому что если это счёт, то я лично кого-то утоплю в том озере.

Хозяйка появилась раньше, чем успела рассеяться первая волна общего замешательства. Вышла на крыльцо — спокойная, собранная, в том же тёмно-синем платье, в котором накануне принимала гостей, — и оглядела двор с видом человека, который привык, что происходящее у него под носом так или иначе касается его лично.

— По какому делу вам понадобилась моя служанка? — спросила она ровно.

Всадник не смутился. Он вообще производил впечатление человека, которого смутить затруднительно — сидел прямо в седле, держал коня одной рукой и смотрел на хозяй-

ку с вежливым, но совершенно непроницаемым выражением лица.

— У меня письмо для Аурелии, — сказал он коротко.

За моей спиной тётушка Орса произнесла вполголоса что-то, в чём я разобрала только слово «письмо» и интонацию крайнего удивления.

— Передайте мне, — сказала хозяйка тоном, не предполагающим возражений.

— Приказано вручить лично.

Короткая пауза — и снова все взгляды на меня, теперь уже с новым оттенком. Не просто любопытство — что-то большее, что-то, в чём смешались недоумение, интерес и то особенное ощущение, которое бывает, когда понимаешь, что присутствуешь при чём-то из ряда вон выходящем, хотя ещё не понял при чём именно.

Я сделала шаг вперёд.

Вот сейчас бы очень пригодилось умение проваливаться сквозь землю, думала я, шагая к посыльному под этим коллективным вниманием. Желательно — прямо в свой мир, к своему дивану, к телефону, который, наверное, уже разрядился от непринятых звонков. Но земля держала надёжно и без малейшего сочувствия к моим обстоятельствам.

Мила догнала меня в два шага и схватила за рукав.

— Аурелия, — прошептала она, и в этом шёпоте было столько всего сразу — тревога, изумление, что-то похожее на суеверный страх, — что я на секунду остановилась. — Ты

знаешь этого человека?

— Первый раз вижу, — честно ответила я и пошла дальше.

За спиной ещё какое-то время не стихали удивлённые голоса, и я невольно обернулась..

На крыльце уже стояла Виллина — видимо, шум во дворе достиг и её покоев. Встала, придерживав рукой косяк, и смотрела сверху с таким выражением, будто увидела что-то настолько неожиданное, что ещё не успела решить, возмущаться или просто недоумевать.

Госпожа Бертта стояла чуть в стороне от всех и молчала. Но смотрела — и в этом молчании, и в этом взгляде было что-то новое, чего раньше я не замечала.

Всадник, когда я подошла, без лишних слов протянул мне письмо.

Оно оказалось тяжелее, чем я ожидала — плотная бумага, сложенная вчетверо, запечатанная тёмно-синим сургучом с оттиском, который выглядел так серьёзно, будто уже заранее знал, что принесёт мне неприятности, и находил в этом определённое удовлетворение.

Сломав печать, я вчиталась в текст. Он был коротким — несколько строк, написанных ровным официальным почерком человека, привыкшего к тому, что его слова имеют вес и не нуждаются в украшениях:

Аурелия, служанка дома госпожи Мерит, обязана прибыть в Академию магии в течение трёх дней для прохожде-

ния проверки дара.

Не «приглашается». Не «просим рассмотреть возможность». Обязана.

Я перечитала ещё раз. На всякий случай — третий. Буквы не изменились.

— Это ошибка.

Я вздрогнула так, что письмо едва не выскользнуло из рук. Госпожа Мерит стояла у меня за спиной — я даже не слышала, как она подошла, — и смотрела поверх моего плеча на текст письма с таким выражением лица, будто уже приняла решение, а всё остальное — просто формальность.

— Моя служанка не имеет дара, — сказала она ровно, обращаясь уже не ко мне, а куда-то в пространство перед собой, как говорят вещи настолько очевидные, что и объяснять их странно.

Я медленно обернулась. Хозяйка смотрела на меня — спокойно, внимательно, с тем выражением человека, который видит перед собой задачу и уже начал её решать.

— Служанка? — произнесла Виллина, и в этом одном слове было упаковано столько всего — недоумение, лёгкое оскорбление и что-то похожее на личную обиду, — что я даже мысленно отдала ей должное. Определённый талант.

Но она не остановилась на одном слове.

— Это какая-то нелепость, — сказала она, и голос у неё стал чуть громче и напряжённее — так говорят люди, которые пытаются звучать уверенно, но внутри что-то уже дало

трещину. — Проверяйте кого угодно, но не её. Она прислуживает за столом. Она моет полы. Какой дар, о чём вообще речь?

Никто не ответил.

И вот это молчание, кажется, задело её сильнее любых слов — потому что она ещё секунду стояла на крыльце, глядя, на меня, на письмо в моих руках, на печать академии, которая предназначалась не ей, а потом резко развернулась, вошла в дом и захлопнула за собой дверь. Не с такой силой, чтобы это можно было назвать истерикой, но достаточно громко, чтобы каждый понял её настроение. Я смотрела ей вслед и думала, что, пожалуй, понимаю её. Всю жизнь тебе говорят — ты особенная, ты с даром, ты поедешь в академию. А потом письмо приходит служанке.

Обидно. Даже мне было бы обидно, наверное.

Хотя с другой стороны — мне сейчас тоже было не очень весело.

За спиной зашептались уже не сдерживаясь, уже в несколько голосов сразу. Тётушка Орса снова что-то забормотала — судя по тону, молитву или её местный аналог. Один из мальчишек дёрнул другого за рукав, и тот шикнул на него, не отрывая взгляда от меня.

— Ну что ж... Хоть какое-то развлечение людям устроила.

— Она никуда не поедет, — сказала хозяйка, и теперь это прозвучало не как объяснение, а как решение, которое об-

суждению не подлежит.

Всадник посмотрел на неё спокойно, без тени раздражения.

— Это не просьба, госпожа.

После этих слов стихли даже самые тихие перешёптывания. Во дворе словно что-то неуловимо изменилось. Хозяйка стояла прямо и молчала, и по её лицу нельзя было прочесть ничего, кроме того, что она думает — и думает быстро.

Всадник коротко поклонился — ей, потом мне — развернул коня и выехал за ворота так же ровно, как въехал. Стук копыт по мощённому двору, потом — по дороге, потом — тишина.

Я стояла с письмом в руках.

Двор уже не молчал — он гудел, тихо и напряжённо, как гудит потревоженный улей. Кто-то из служанок смотрел на меня с испугом, кто-то — с любопытством, кто-то — с тем особенным выражением, которое появляется у людей, когда они видят, как у кого-то другого жизнь делает неожиданный поворот, и непонятно ещё — завидовать или сочувствовать.

Мила подошла ближе и молча встала рядом. Так обычно делают, когда не знают, что сказать, но очень хотят поддержать. Я покосилась на неё. Она на меня.

— Аурелия... — начала она.

— Потом, — сказала я тихо.

Потому что хозяйка уже стояла на крыльце и смотрела на меня долгим, изучающим взглядом. Таким как смотрят на

вещь, которая неожиданно оказалась совсем не тем, чем казалась всё это время.

— Ко мне, — сказала она негромко.

И развернувшись вошла в дом.

Я посмотрела на письмо. На сломанную печать. На те несколько слов, которые изменили это утро — и, кажется, не только утро.

Потом вздохнула и пошла следом.

Глава 6

Войдя в кабинет за хозяйкой, я осталась стоять ближе к двери. Не потому что боялась — просто меня никто не приглашал пройти дальше, а бежевый ковёр под ногами выглядел так, будто на него никогда не ступала нога человека, чья работа связана с подносами и чёрным ходом. Поэтому я осталась там, где заканчивалось моё право что-либо решать.

Кабинет был небольшим, но каким-то очень обжитым — не парадным, а настоящим. Книги на полках стояли вразнобой, некоторые с закладками, некоторые явно читанные не по одному разу. На стене висела карта — большая, с пометками, сделанными от руки. На столе — чернильница, несколько свёрнутых бумаг и маленькие песочные часы, которые в данный момент не работали: кто-то поставил их на бок. Пахло деревом и чуть-чуть — воском от свечей. Запах, в котором чувствовалось, что здесь думают. Принимают решения. Живут, а не изображают жизнь.

Госпожа Мерит подошла к столу и несколько секунд просто стояла, опершись ладонями о столешницу — молча, как человек, которому нужно собрать мысли, прежде чем говорить. Я тоже молчала, потому что ситуация к светской беседе не располагала.

Честно говоря, всё это больше всего напоминало кабинет следователя. В голове сама собой нарисовалась картин-

ка: она поднимает голову, смотрит на меня тяжёлым взглядом и говорит — ну что, гражданка Аурелия, рассказывайте, где изволили раздобыть незаконную магию?

— Ты когда-нибудь была в Академии? — Спросила госпожа Мерит.

Первый вопрос оказался настолько неожиданным, что я даже не сразу поняла, к чему она ведёт. .

— Нет, госпожа.

— Знаешь кого-нибудь из магистров?

— Нет.

— Видела раньше человека, который привёз письмо?

— Сегодня впервые.

Госпожа Мерит медленно кивала после каждого ответа — как человек, который мысленно ставит галочки в каком-то только ему видимом списке.

— Тогда объясни мне одну вещь. — Она наконец подняла глаза. — Почему Академия знает о твоём существовании?

Именно этот вопрос я сама задавала себе последние десять минут. Без особого успеха.

— Не знаю, — сказала я честно.

Она смотрела на меня ещё несколько секунд — изучающе, не враждебно, но и без тепла — словно пыталась понять, где в моих словах правда, а где то, что я предпочитаю не говорить вслух.

— Ты что-нибудь скрываешь от меня, Аурелия?

— Если бы я знала, что именно скрывать, госпожа, мне

было бы значительно легче жить, — сказала я.

На мгновение мне показалось, что уголок её губ едва заметно дрогнул. Но уже через секунду лицо снова стало непроницаемым.

— Мне не нравится это письмо, — произнесла она медленно, скорее для себя, чем для меня. — Но я не имею права его игнорировать. Магистр никогда не станет отправлять официальный вызов без причины. Значит, причина есть.

Она медленно прошла по кабинету — от стола к окну, от окна обратно.

— Ты сирота, верно?

Я кивнула.

— Родителей не помнишь.

Снова кивнула.

— День своего рождения знаешь?

Вот здесь я замерла.

Потому что Аурелия... этого действительно могла не знать. А я — и подавно. Я жила в этом теле наездами, урывками, как гость, который знает расположение комнат, но понятия не имеет, где хранятся ключи. И вот сейчас, стоя в кабинете с картой на стене и песочными часами на боку, я вдруг отчётливо поняла — я не знаю о ней почти ничего. Ни дня рождения. Ни откуда она родом. Ни есть ли у неё кто-то, кому она важна. Странное чувство — жить в чужом теле и вдруг осознать, что даже самого простого об этом человеке тебе неизвестно.

Додумать эту мысль я не успела — дверь распахнулась, и в кабинет, как ветер, влетела Виллина.

— Ты должна что-то с этим сделать, мамочка! — Голос у неё был натянутым, как струна перед тем, как лопнуть. — Она не должна поехать в Академию!

Госпожа Мерит лишь на миг прикрыла глаза, словно загоняя раздражение куда-то глубже. Когда она снова посмотрела на дочь, на её лице уже не осталось ни единой эмоции.

— Ты ведёшь себя неподобающе, — сказала она ровно.

— Но если у неё найдут хоть какие-то зачатки магии — ты хочешь, чтобы я училась рядом со служанкой?!

— Ты забываешься, Виллина. — Голос остался ровным, но что-то в нём стало тверже. — Академия не твоя собственность. Это место для одарённых, и не нам решать, кому там быть.

Я стояла и молчала, стараясь занимать как можно меньше места. Внутри, впрочем, мысленно аплодировала. Было в госпоже Мерит что-то такое, что вызывало уважение без всяких усилий с её стороны. Спокойная сила человека, которому не нужно никому ничего доказывать. Я поймала себя на том, что искренне начала ею восхищаться. Виллина ещё секунду стояла, и по лицу её было видно, что она ищет слова, которые изменят ситуацию. Не нашла. Развернулась на каблучках и вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Госпожа Мерит чуть потёрла переносицу — едва заметным жестом, который я бы пропустила, если бы не смотрела

внимательно. Она любила дочь. Это было понятно без слов. И именно поэтому ей сейчас было за неё немного стыдно.

— Не обращай внимания, — сказала она, не глядя на меня. — Виллина немного избалована. Но она знает свои границы.

Помолчав немного, она сделала то чего я ну никак не ожидала.

— Проходи. Садись.

Я сделала шаг вперёд — и только тогда поняла, что именно произошло. За всё время, что я бывала в этом доме, мне никто и никогда не предлагал сесть. Ни разу.

Казалось бы, сущая мелочь. Всего лишь одно слово и обычный стул. Но именно из таких мелочей иногда становится понятно: отношение к тебе уже не прежнее.

Я села.

— Завтра с утра Лука отвезёт тебя в Академию, — сказала госпожа Мерит, возвращаясь к столу. — Если хочешь, возьми с собой подругу. Я предупрежу Бертту. Лука будет ждать, чтобы привезти вас обратно.

— Что будет со мной, если они найдут магию?

— Не они. — Она чуть качнула головой. — Магию определяют кристаллы. Маги лишь чувствуют — есть дар или нет. А вот какой именно и какой силы — это уже измеритель.

— Хорошо. Так что станет со мной, если дар найдут?

— Как что? — Она посмотрела на меня почти с удивлением. — Будешь учиться.

Я сидела и смотрела на неё.

Учиться. В Академии магии. Я попыталась представить это — высокие стены, длинные коридоры, важные магистры в строгих одеждах. Потом почему-то вспомнила свой детский сад — линолеум в коридоре, стенд с поделками из пластилина.

Стоп.

Я ничего не понимаю в магии. Совсем. Вообще. Ни одного заклинания, ни одного правила, ни малейшего представления о том, как это работает и с какой стороны к этому подходить. Виллина хотя бы умела зажечь свечу — пусть и не с первого раза. А я?

А у меня есть опыт работы с детьми и умение удерживать чих в самый неподходящий момент.

Очень полезные навыки для академии магии. Определённо. Ничего не скажешь.

Усмешка получилась какой-то невесёлой.

Госпожа Мерит, судя по всему, что-то прочитала на моём лице — потому что добавила, уже чуть тише:

— Первый день страшен всем.

На её лице не было улыбки. Только спокойная уверенность человека, который говорит то, что считает правдой, и не видит смысла приукрашивать свои слова.

— Иди, — сказала она. — Собирайся.

И почему-то именно в этот момент я впервые по-настоящему поняла — назад дороги может уже и не быть.

Я вышла из кабинета.

В коридоре было тихо, хотя и не пусто. У стены стояли несколько слуг. Когда я направилась к выходу, они один за другим молча отступили, освобождая мне дорогу. Никто не произнёс ни слова, не усмехнулся и не отпустил привычной шутки. Всё произошло так естественно, словно иначе и быть не могло. Я прошла мимо, чувствуя на себе их взгляды, но так и не обернулась.

Мила ждала меня у двери во двор. Стояла, сцепив пальцы так крепко, что костяшки побелели. Она смотрела на меня так, будто хотела спросить сразу всё и не знала, с чего начать.

Увидев меня, она шагнула навстречу.

— Ну?

Я несколько секунд смотрела на неё. Потом протянула письмо.

— Завтра едем в Академию.

Она не сразу поняла.

Перевела взгляд с письма на меня.

— Кто?

— Мы.

Мила замерла.

— Госпожа Мерит разрешила взять тебя с собой.

Мила молчала секунду. А потом без всяких предисловий тихо заплакала. Просто стояла и плакала, а я смотрела на неё и думала, что, кажется, для неё это значит что-то совсем другое, чем для меня. В её глазах было что-то похожее на

надежду — ту самую, которую человек давно перестал ждать и вдруг получил, и теперь не знает, куда с ней деться.

— Эй... Ты чего?

Она поспешно вытерла глаза рукавом и даже попыталась улыбнуться.

— Прости... Я просто...

Она покачала головой.

— Никогда не думала, что хотя бы увижу Академию.

И тут я поняла, для меня это была очередная неожиданность.

А для Милы...

Мечта всей жизни.

Мы постояли ещё немного. Потом молча пошли по коридору.

У каждой из нас впереди была своя дорога.

Но впервые за всё время мне казалось, что хотя бы начало этой дороги мы пройдем вместе.

Глава 7

Утро началось не с привычной суеты, а с неожиданной проблемы: мне было нечего надеть. Платье у меня было одно. И то служебное. Невольно возникал вопрос: слугам здесь вообще платят? Или они горбятся исключительно за миску похлёбки? В комнату вошла Мила. Странно, я даже не заметила её отсутствие. Причёсанная, с аккуратной косой через плечо, в опрятном платье и новых башмачках.

— Ты чего не готова ещё?

— Мне нечего надеть. — С обречённостью в голосе оповестила я её.

— А, ну да. — С грустью ответила она сев на кушетку. — Ты же его выбросила.

— Что я сделала?

Мила в недоумении подняла взгляд на меня и повторила.

— Платье выбросила.

— Почему?

— Ну как, ты же всегда выбрасываешь грязное.

— Я дура? — Что нельзя постирать?

— Ты странная Аурелия. Я всего лишь несколько раз видела тебя такой как сейчас. Обычно ты молчишь и нелюдима. Не обижайся, но ты грязнуля. И то что ты вчера сама предложила убратся в нашей комнате вообще не похоже на тебя. И платья которые нам выдают один раз в полгода ты

всегда носишь не стирая а потом выбрасываешь. Но у тебя есть накопления, можешь купить в городе себе обновки.

Я сидела и смотрела на неё с выпученными глазами. У меня в голове никак не складывалась эта информация.

— Где говоришь мои накопления? А то я и забыла уже.

— Так, под половицей же. — С оторопью ответила Мила и показала в угол.

Достать сбережения Аурелии я не успела. В комнату без стука вошла госпожа Бертта со свёртком в одной руке и с парой кожаных туфель с ремешком в другой.

— Мила, — обратилась она к моей соседке, при этом глядя на меня. — Подожди Аурелию на улице, она скоро выйдет.

Мила кивнула и вышла, тихонько прикрыв за собой дверь.

Экономка присела на сундук и пристально вглядывалась в меня. От её изучающего взгляда становилось не по себе. Хмыкнув, госпожа Бертта произнесла: — Я не знаю, кто ты, но наблюдая за тобой, заметила много странностей, которых не видела в Аурелии. Не буду всё перечислять, но мне нравится то, что я вижу. Ты аккуратна, добросовестна, грамотна, чистоплотна. В тебе есть стержень. И да, дар есть именно у тебя. Я не сразу поняла что меня зацепило в тебе. Потом до меня дошло. Всё дело в магии. У Аурелии её не было. Поначалу я решила, что сила наконец проснулась у этой девочки, и искренне обрадовалась за неё. Это был шанс вырваться из служения и нищеты. Но на второй день Аурелия

становилась той же неряхой которую я наблюдала с её детства. Да и магией от неё не пахло. Это повторялось несколько раз, и честно говоря я уже приготовилась сегодня увидеть истинную хозяйку этого тела. Но твой взгляд сказал всё. Ты не смогла вернуться, верно?

Я стояла с раскрытым ртом и слушала весь этот монолог. Это было неожиданно и страшно одновременно. Я не представляла что здесь делают с подселенцами, насколько это законно и что меня ждёт если разоблачат.

— Разглашать твою тайну я не буду, — продолжила госпожа Бертта. — Такие случаи уже были, хоть их и не афишируют. Именно из пришлых нередко выходят самые сильные маги. Моя прабабка тоже была одной из вас. Ладно, Лука уже ждёт. Я принесла тебе одежду. Если захочешь, вечером зайди ко мне, расскажу тебе хоть немного о мире, в котором тебе предстоит жить.

На этой позитивной ноте экономка встала и с прямой спиной вышла из каморки.

— Это что сейчас было? — Спросила я себя.

Так Татьяна Сергеевна, некогда думы думать. Потом поразмышляем на эту тему.

Стоило развернуть свёрток, как взгляд сразу зацепился за платье. Простое, но настолько аккуратно сшитое, что на его фоне моя прежняя одежда казалась мешком для картошки. Мягкая ткань глубокого тёмно-зелёного цвета приятно скользнула между пальцами. Ни кружев, ни драгоценных пу-

говиц, ни вышивки золотой нитью — только ровные строчки, длинные рукава, аккуратный ворот и широкий пояс, подчёркивающий талию. Такое платье не пыталось выглядеть дорогим. Оно просто было добротным.

Рядом лежали кожаные туфли с тонкими ремешками и небольшой дорожный плащ цвета мокрого графита.

— Ну здравствуй... цивилизация, — пробормотала я.

После двух дней, проведённых в сером платье Аурелии, эта одежда казалась почти праздничной.

Я быстро переоделась и подошла к маленькому мутному зеркалу.

Из отражения на меня смотрела всё та же Аурелия — только впервые за всё время она выглядела не служанкой, а обычной молодой девушкой.

— Если не знать, что вчера я драила полы, можно даже принять меня за приличного человека. — С улыбкой сказала я этому отражению.

Прежде чем выйти я всё-таки подняла половицу. В холщовом мешочке тихо звякнули монеты. Немного. Но это были первые деньги, которые принадлежали мне... или Аурелии. Пока не решила.

Я спрятала мешочек обратно, аккуратно опустила половицу на место и только потом вышла.

Во дворе меня уже ждала Мила.

Увидев меня, она на секунду замерла, а потом улыбнулась так широко, будто это не я надела обычное тёмно-зелёное

платье, а как минимум получила титул и половину королевства в придачу.

— Тебе идёт, — сказала она тихо.

— Спасибо, — ответила я и поправила пояс. — Теперь я хотя бы похожа на девушку, а не на печальное приложение к швабре.

Мила фыркнула, но тут же прикрыла рот ладонью, потому что рядом стоял Лука — молодой конюх с веснушчатым лицом, светлыми волосами и таким серьёзным видом, будто ему доверили не двух служанок отвезти в Академию, а тайную государственную миссию.

У ворот нас ждал вполне приличный четырёхколёсный экипаж. Именно такой, на котором возят людей, которых уважают достаточно, чтобы не посадить на телегу с сеном, но недостаточно, чтобы подать карету. Меня это вполне устраивало.

Лука открыл дверцу и коротко сообщил:

— До Академии около часа.

И всё. Больше он ничего не добавил — просто забрался на козлы и взял вожжи. Я мысленно отметила, что этот человек, судя по всему, считает слова слишком ценным ресурсом и расходует их крайне экономно.

Мила устроилась рядом со мной, поправила косу и сказала:

— Если честно, я никогда не видела тебя такой красивой.

— Главное, — ответила я, — чтобы никто не решил, что

я украла платье у хозяйской дочери.

Мила тихо рассмеялась. И вдруг оказалось, что улыбка ей очень идёт. На мгновение передо мной была не служанка, привыкшая всё время оглядываться по сторонам, а самая обычная девушка моего возраста.

Лука слегка тронул вожжи. Экипаж плавно качнулся, колёса негромко застучали по дороге, и ворота поместья медленно поплыли назад.

За всё время своих попаданий сюда я ни разу не выезжала за пределы поместья. Ни разу. Мой магический мир до этого утра состоял из каморки, двора, бочек у колодца, озера с драконом и хозяйского дома. Всё. Целый другой мир — и я умудрилась не увидеть из него ничего.

Похоже, пришло время это исправить.

Сначала дорога шла через что-то вроде предместья. Невысокие дома стояли так близко друг к другу, будто годами пытались уместиться на одной улице. Из труб лениво поднимался дым, у дверей уже хлопотали хозяйки, кто-то открывал ставни, кто-то выносил корзины с овощами. Всё вокруг жило своей обычной жизнью. Улицы оказались неожиданно чистыми. Никакой грязи по колено, никаких луж посреди мостовой. Камни были уложены так ровно, что местами поблёскивали в лучах утреннего солнца, ещё не успевшего высушить росу. Женщина в переднике торговала пирогами прямо с деревянного лотка. Запах я почувствовала раньше, чем увидела её, и желудок тут же напомнил, что сегодня утром

его вообще никто не спрашивал, хочет ли он остаться без завтрака.

— Здесь всегда так пахнет? — спросила я у Милы.

— По утрам — да. Пекарня там, за углом.

— Полезная информация, — сказала я. — Запомню на случай, если когда-нибудь буду здесь жить.

Мила посмотрела на меня немного странно, но промолчала.

Чуть дальше кузнец работал прямо на улице — стучал молотом по раскалённому металлу, не обращая на прохожих никакого внимания. Двое мальчишек наблюдали за ним с почтительного расстояния, явно мечтая подобраться поближе, но не решаясь. У лавки с вывеской, на которой был нарисован зелёный листок, стояли несколько человек. По их лицам было видно: пришли они сюда явно не из праздного любопытства.

— Что там продают? — кивнула я в сторону лавки.

— Зелья, — сказала Мила. — Простые. От головной боли, от простуды, от дурного сна.

Это был совершенно нормальный, обычный ответ. Просто здесь зелья продавали в лавке, как у нас аспирин в аптеке, и очередь стояла такая же деловитая и сонная, как в любую утреннюю аптеку в любом городе.

Постепенно дома становились выше, улицы — шире, прохожие — наряднее.

Мы въезжали в центр.

Я смотрела в окно и вдруг поймала себя на странной мысли.

За всё время после своего попадания я впервые перестала искать дорогу домой.

Мне стало интересно, что ждёт меня здесь.

Глава 8

Площадь открылась неожиданно — широкая, вымощенная светлым камнем, который на солнце отливал почти золотым, она словно собирала вокруг себя весь город, стягивала его к себе, как стягивают края ткани к центральному шву. Дома вокруг стояли высокие, с большими окнами и коваными балкончиками, на которых кто-то выставил горшки с цветами — яркими, неправдоподобно яркими для такого утра.

В центре площади шумел фонтан.

Я смотрела на него, наверное, дольше, чем стоило. Вода поднималась несколькими тонкими струями — прозрачными, почти невесомыми — и, достигнув вершины, не падала вниз привычным дождём. Она на мгновение зависала в воздухе, закручивалась спиралью, как будто раздумывая, что делать дальше, и только потом рассыпалась тысячами сверкающих капель, каждая из которых на долю секунды ловила солнце и бросала его обратно в небо крошечными вспышками. В утреннем свете это выглядело так, будто кто-то рассыпал над площадью пригоршню мелких бриллиантов — снова и снова, не уставая.

— Это магия? — спросила я у Милы.

— Городская, — ответила она. — Фонтан старый. Говорят, его поставили ещё при основании города.

Я кивнула и продолжала смотреть.

Вокруг фонтана кипела настоящая, шумная, беспорядочная жизнь. Лавочники зазывали покупателей, перекрикивая друг друга с таким азартом, будто это было соревнование. Кто-то спорил у прилавка — горячо, с жестами, с паузами для набора воздуха. Кто-то смеялся. Кто-то торопливо пересекал площадь, прижимая к груди свёртки и не глядя по сторонам. Над лавками висели вывески — деревянные, с выжженными или нарисованными знаками, и я с запозданием поняла, что некоторые из этих знаков светились. Совсем чуть-чуть, почти незаметно, но светились — ровным мягким светом, как ночники.

И вдруг я заметила, что Мила перестала просто смотреть по сторонам.

Она вытянулась вперёд, будто хотела стать чуть выше, чуть ближе, и широко распахнула глаза — так, как смотрят на что-то, во что не сразу веришь.

Я проследила за её взглядом.

У книжной лавки стоял мужчина. Высокий — выше большинства прохожих на голову, — светловолосый, с волосами такого ровного, почти белого цвета, какой не бывает у людей без посторонней помощи. Он листал книгу неторопливо, с тем особым спокойствием, которое бывает у тех, кто давно перестал торопиться — потому что у них есть время, много времени, куда больше, чем у остальных. Уши у него были заострены — изящно, чётко, совершенно естественно, как

будто так и должно быть. Прохожие украдкой оглядывались на него, но он, казалось, не замечал этого совершенно.

Чуть дальше по площади неторопливо шагал гном — приземистый, широкоплечий, с такой густой рыжей бородой, что она почти сливалась с меховым воротником его куртки, а куртка при этом была дорогая, хорошего сукна, застёгнутая на медные пуговицы.

Мимо площади быстро прошла ещё одна фигура — в тёмном плаще с капюшоном, стремительно, почти бесшумно. За спиной под тканью что-то угадывалось. Но рассмотреть я не успела, фигура растворилась в толпе раньше, чем я успела понять, что именно видела.

— Ты чего? — тихо спросила я Милу.

Она даже не сразу услышала — всё ещё смотрела на эльфа у лавки.

— Смотри, — наконец сказала она почти шёпотом. — Настоящий эльф.

Она сказала это почти благоговейно, будто боялась, что стоит заговорить громче — и он исчезнет.

— А что такого?

Мила удивлённо посмотрела на меня.

— Ты разве не понимаешь? Их почти никогда здесь не бывает.

— В смысле?

— Наше графство далеко от больших торговых дорог. Другие народы редко сюда приезжают. Но сейчас начало на-

бора в Академию... Они съезжаются со всех континентов. Эльфы, гномы, драконы... Даже морской народ иногда приплывает.

Она говорила всё тише, продолжая смотреть на площадь так, будто боялась пропустить хоть одного из них.

— Я никогда раньше не видела их так близко.

Я перевела взгляд обратно на площадь.

Странно.

Для меня они всегда были персонажами книг.

Для Милы — почти легендами.

А сейчас и для неё, и для меня они вдруг стали такими же настоящими, как булочник за углом, мальчишка с корзиной яблок или старик, продающий цветы.

Город постепенно остался позади. Дома становились всё реже, дорога уже и круче. Она плавно поднималась вверх, петляя между светлых скал. Лука слегка придержал лошадей, и экипаж неторопливо пополз по подъёму, мягко покачиваясь на камнях.

Я смотрела в окно — и в какой-то момент просто перестала дышать.

Потому что это было... ну, это было невозможно. Вот просто так, по-человечески невозможно — и тем не менее вот оно, прямо передо мной, никуда не девается, как я ни моргаю.

Гора светилась. Не отражала солнце, а именно светилась — изнутри, тихо и ровно, как будто в самой её сердцевине

что-то живёт и дышит уже очень, очень давно. И прямо из этой горы, поднимались башни. Тонкие, острые, они тянулись вверх с таким спокойным упрямством, что у меня перехватило горло. Я смотрела, как они истончаются ближе к небу, как шпильки входят в облака — мягко, без усилий, как входят в воду, — и думала, что архитектор, который это придумал, был либо гением, либо совершенно сумасшедшим. Или и то, и другое сразу. Что, наверное, одно и то же.

А мосты между башнями — вот на них я смотрела дольше всего. Такие тонкие, что первую секунду я решила, что мне просто кажется. Что это тени, или блики. Но нет — по ним ходили. Спокойно, без спешки, как ходят по чему-то привычному. И я смотрела на эти силуэты и постепенно начинала понимать, что не все из них... обычные. Вот тот, с серебряными крыльями за спиной — он шёл так, будто крылья это просто часть одежды. Вот эльф, высокий, идёт медленно и смотрит куда-то вдаль с видом человека, у которого впереди ещё лет пятьсот и торопиться незачем. А над центральной башней кружат три огромных существа с золотыми крыльями — медленно, величественно, как будто весь этот мир принадлежит им, а они просто разрешают нам здесь жить.

Пока я всё это впитывала, экипаж остановился — и я наконец увидела ворота.

Они оказались куда больше, чем казались издалика. Две массивные створки из тёмного металла, покрытого тончайшей резьбой, которую не сразу разглядишь. Узоры на них

переплетались, перетекали друг в друга, складывались в деревья, в звёзды, в фигуры существ, которых я не знала, и в символы, смысл которых был мне недоступен, но которые почему-то ощущались как нечто важное. По краям ворот виделись тонкие прожилки света — не яркого, не кричащего, а тихого, почти живого, как будто металл дышал.

По обе стороны входа на высоких каменных постаментах застыли грифоны.

Не изваяния. Живые.

Я поняла это не сразу — они сидели так неподвижно, с таким каменным спокойствием, что первую секунду я приняла их за скульптуры. Но потом один из них медленно, очень медленно повернул голову — и встретился со мной взглядом. Жёлтые глаза, круглые и холодные, смотрели так, как смотрят существа, которые видели слишком много и давно перестали удивляться чему-либо. Потом он так же медленно отвёл взгляд — обратно в никуда, в горизонт, в то пространство, которое доступно только тем, кто умеет ждать вечно.

Я почти не дышала.

За воротами уже слышался шум — и когда я наконец опустила взгляд, увидела очередь. Длинную, пёструю, разношёрстную в самом буквальном смысле этого слова. Люди, эльфы, гномы, кто-то с хвостом, кто-то с крыльями, аккуратно сложенными за спиной. Кто-то нервно повторял что-то вполголоса, чуть шевеля губами. Кто-то смеялся — тем особым смехом, за которым прячется страх. Двое спорили го-

рячо и почти беззвучно, как спорят люди, которые не хотят, чтобы их слышали, но молчать уже не могут. Чей-то посох тихо светился синим у самого основания, словно сам волновался вместе с хозяином.

Мила взяла меня за руку. Я сжала её пальцы в ответ и медленно выдохнула.

Где-то там, за этими воротами, меня ждали кристаллы, которые определяют магию. Магистры в строгих одеждах. Экзамен, к которому я не готовилась ни дня. И совершенно новая жизнь, которую я не заказывала, не планировала и честно говоря — не очень понимала, что с ней делать.

Но грифон на постаменте снова посмотрел на меня своими холодными жёлтыми глазами — и на этот раз я не отвела взгляд.

— Ладно... — сказала я тихо, неизвестно кому. — Отступить уже поздно.

Глава 9

Отпустив руку Милы, я уже собиралась сделать шаг к воротам, как вдруг пространство перед ними словно пошло волнами. Серебристая рябь на миг исказила очертания людей, башен и грифонов, а в следующее мгновение тонкие светящиеся нити начали стремительно переплетаться между собой. Они вспыхнули мягким голубоватым светом — и прямо над площадью возник старец.

Я невольно замерла.

Старец был высоким. Тёмная мантия с широкими рукавами мягкими складками спадала почти до самой земли. Белоснежные волосы свободно лежали на плечах, а длинная борода доходила почти до пояса. Светло-серые глаза смотрели спокойно и внимательно, словно он видел перед собой не огромную толпу, а всего одного собеседника. Я совершенно серьёзно подумала: надо же, как этот дедушка умудрился зависнуть прямо в воздухе. И, судя по его невозмутимому виду, это было для него самым обычным делом.

Только спустя несколько секунд я заметила странность. Край его мантии медленно прошёл сквозь крыло грифона, даже не задев ни одного пера. Тогда всё сразу стало на свои места. Перед нами была не живая фигура, а магическая проекция. Что-то вроде голограммы. Только, конечно, гораздо эффектнее.

Тем временем шум вокруг начал стихать сам собой — разговоры обрывались один за другим, люди замирали и даже грифоны на постаментах как будто подобрались. Площадь затихла так быстро, что стало слышно, как где-то высоко над головой медленно кружат крылатые существа.

Он заговорил — и я невольно подалась вперёд. Вот чего-чего, а такого голоса я точно не ожидала. Почему-то была уверена, что сейчас услышу старческое покашливание, хрип или что-нибудь в этом духе. Ничего подобного. Голос оказался глубоким, спокойным и удивительно живым. Он не звучал громко, но почему-то казалось, что обращается лично к каждому.

— Добро пожаловать в Академию Светлого Пика.

Пауза.

— Сегодня начинается испытание дара для новых учеников. Просим всех сохранять порядок и следовать объявленной очереди. Первыми на территорию Академии приглашаются представители дружественных народов, прибывшие с других континентов.

По площади пробежал тихий ропот — и я машинально посмотрела на очередь. Этих существ оказалось неожиданно много.

— После завершения их регистрации будут приглашены жители человеческих королевств.

Ну вот, — мысленно вздохнула я.

Судя по всему, ждать предстояло долго — очень, очень

долго. Я покосилась на Луку, надеясь увидеть хотя бы намёк на недовольство. Но тот стоял с таким невозмутимым видом, словно был готов ждать хоть до следующей осени. Потом перевела взгляд на Милу и тихонько усмехнулась. Её, похоже, происходящее приводило в полное восхищение. Она стояла, вытянув шею, и разглядывала эльфов, гномов и всех остальных с таким самозабвенным восторгом, что я даже немного позавидовала. Вот у человека всё просто. Приехала, смотрит, радуется.

Ну, по крайней мере, скучать ей точно не придётся.

Старец тем временем не спешил продолжать. Он спокойно стоял, опираясь на посох, словно действительно видел всех собравшихся перед собой, а не был всего лишь магической проекцией. Дождался, пока ропот окончательно стихнет, и только потом снова заговорил:

— Отдельно прошу подойти к главным воротам тех, кто прибыл в Академию по официальному приглашению. Регистрация для вас будет проводиться вне общей очереди. Следуйте за сопровождающими.

Едва прозвучали последние слова, возле ворот появились двое молодых людей в одинаковых тёмно-синих мантиях. Один молча сделал шаг вперёд и жестом пригласил обладателей приглашений следовать за ним.

На несколько секунд площадь снова замерла.

И тут я наконец вспомнила про письмо. Машинально сунула руку за пазуху, вытащила свиток с печатью Академии

и облегчённо выдохнула. Это приглашение сейчас оказалось очень кстати.

— Мила! — шёпотом выдохнула я, вытаскивая свиток. — Кажется... это про меня.

Она сначала удивлённо посмотрела на письмо, потом на меня — и вдруг расплылась в улыбке.

— Конечно про тебя! Чего ты стоишь?

— И правда...

Я крепче сжала свиток и начала осторожно пробираться вперёд между людьми.

Надо пользоваться моментом.

Как говорится, раньше начнёшь — раньше закончишь. А если повезёт, то и вся эта магическая бюрократия закончится ещё до обеда.

Таких счастливичков, как я, оказалось немного — человек десять, не больше. Наш сопровождающий сразу повёл нас к воротам, а второй тем временем жестом подозвал к себе представителей других народов. Никто не спорил и не мешкал — эльфы, гномы и остальные спокойно последовали за ним. Остальным же оставалось только ждать своей очереди. Мы прошли через распахнутые створки, и я невольно замедлила шаг.

Внутренний двор оказался совсем не таким, каким я его представляла. Широкая дорожка из светлого камня вела куда-то вперёд, а по обе стороны от неё росли деревья — я таких раньше не видела нигде. Серебристые листья едва слыш-

но шелестели, хотя ветра почти не было, и этот тихий шелест был таким живым и осмысленным, что у меня мелькнула мысль: а вдруг они слушают?

Между клумбами толпились такие же поступающие, как и я. Кто-то сидел прямо на траве с раскрытой книгой, кто-то вполголоса повторял заклинание, раз за разом выводя в воздухе одну и ту же фигуру. Над ладонью девушки вспыхивал крошечный огонёк, тут же гас и снова появлялся. Чуть дальше двое парней упрямо пытались удержать в воздухе светящийся шарик. Судя по тому, что он каждые несколько секунд падал на плитку, до идеального владения магией им было ещё далеко.

Я невольно улыбнулась. Миры могут быть разными, а вот волнение перед экзаменами, кажется, везде одно и то же.

Парень уверенно шёл впереди, даже не оборачиваясь проверить, идём ли мы следом. Казалось, этот путь он мог пройти с закрытыми глазами. Мы поднялись по широкой каменной лестнице, и он распахнул высокую дверь.

Первое, что я почувствовала, переступив порог, — запах книг. Настоящих, бумажных. К нему примешивались чернила, полированное дерево и лёгкая свежесть мяты.

Я подняла голову — и сразу поняла почему.

Зал был огромным. Вдоль стен от самого пола до высокого сводчатого потолка тянулись книжные шкафы, настолько высокие, что к верхним полкам вели узкие металлические лестницы. Но, судя по всему, пользовались ими неча-

сто. Стоило одному из сотрудников протянуть руку, как толстая книга сама выскользнула с верхней полки, плавно опустилась ему в ладони, а спустя минуту так же бесшумно вернулась обратно. Лестницы, похоже, были здесь скорее для красоты.

— Странный набор ароматов, — пробормотала я себе под нос. И неожиданно уютно для места, где сейчас решается чья-то судьба.

Круглолицая девушка с очень выразительным лицом, шедшая рядом, тихонько толкнула меня локтем.

— Не разговаривай сама с собой.

— Поздно, — ответила я. — Если перестану, останусь без умного собеседника.

Девушка тихо фыркнула и отвернулась, а молодой человек тем временем уже уверенно вёл нас через просторный вестибюль.

Только теперь я перестала глазеть по сторонам и присмотрелась к происходящему. Между книжными шкафами тянулись длинные столы, за которыми быстро и без лишних разговоров оформляли прибывших. Кто-то проверял документы, кто-то делал пометки в толстых книгах, кто-то вручал жетоны. Всё работало удивительно слаженно — словно каждый здесь давно знал своё место.

Наш сопровождающий остановился у крайнего стола. Даже не взглянув в мою сторону, он привычным движением протянул руку и коротко произнёс:

— Приглашение.

Я быстро вытащила письмо и вложила свиток ему в ладонь. Он едва взглянул на печать и сразу передал его сидевшей за столом женщине.

Та неторопливо развернула письмо, пробежала глазами текст, задержалась на печати и только потом посмотрела на меня. Затем снова опустила взгляд на письмо.

— Госпожа Аурелия? — наконец произнесла она.

— Она самая, — подтвердила я.

Сотрудница Академии едва заметно кивнула, сделала короткую пометку в книге и спокойно сказала:

— Вас уже ожидают.

Я моргнула.

Ожидают?

Меня?

Интересно девки пляшут... Я ещё даже ничего натворить не успела, а меня уже ожидают. Это было бы приятно, если бы не звучало так, как звучит, когда тебя вызывают к директору и заранее знают, зачем.

Но спросить я ничего не успела.

— Прошу за мной, — сказала женщина и встала из-за стола.

Глава 10

Почему-то именно после слов «прошу за мной» я занервничала по-настоящему.

До этой минуты всё казалось каким-то нереальным. Будто происходило не со мной, а с кем-то другим. Всё было интересно, немного невероятно но совершенно не касалось лично меня. А теперь, пока я шла за этой женщиной в тёмно-синей мантии по широкому коридору, до меня наконец дошло: сказка закончилась. Начиналась та часть, где нужно отвечать за себя.

Коридор был светлым. Высокие окна пропускали солнечный свет, который длинными полосами ложился на каменный пол, а наши шаги гулко отдавались под сводами. Стены сплошь покрывали портреты. Казалось, здесь собрали всех, кто когда-либо был связан с Академией. Мужчины, женщины, старики, совсем юные — и у каждого на груди поблёскивал один и тот же серебристый знак.

Я невольно замедлила шаг у одного из портретов. На нём был изображён пожилой мужчина с густыми седыми бровями и таким выражением лица, которое обычно бывает у людей, привыкших к тому, что их не слушают, но они продолжают говорить. Я задержала на нём взгляд и тут он моргнул. Заметив это я едва не споткнулась.

Портрет медленно перевёл спокойный взгляд на меня и

произнёс с лёгким недовольством: — Не задерживайтесь, юная леди. Приёмная комиссия ждать не любит.

— Простите, — пробормотала я — скорее от неожиданности, чем из вежливости — и быстро зашагала за своей провожатой.

Женщина впереди даже не обернулась. Судя по всему, разговаривающие портреты здесь никого не удивляли, кроме меня.

Через несколько поворотов она остановилась перед высокой двустворчатой дверью.

— Подождите здесь. — сказала она открыв дверь и пропуская меня внутрь. Вас пригласят.

Переступив порог, я оказалась в небольшой комнате ожидания. Здесь было несколько кресел вдоль стены, низкий столик с графином воды и высокое окно с видом на внутренний двор. Всё очень спокойное, очень нейтральное — и от этого почему-то особенно тревожное.

Кроме меня здесь сидели ещё четверо. Никто не разговаривал. Один парень нервно барабанил пальцами по подлокотнику. Девушка напротив так крепко сжимала платок, что костяшки пальцев побелели. Ещё двое смотрели в одну точку перед собой с видом людей, которые мысленно повторяют что-то очень важное и очень боятся забыть.

Я осторожно присела на свободное место, и тихо произнесла: — Ну здравствуй, приёмная директора.

Ждать оказалось невыносимо скучно. Молодые люди ря-

дом имели такие важные лица, что я не решилась начать разговор первой. Сидела, разглядывала потолок, думала о пирогах, которые остались со вчерашнего приёма, и в целом старалась не думать о том, что именно меня здесь ждёт.

В какой-то момент дверь открылась, и из кабинета вышел высокий блондин. Лицо у него было белее мела, руки заметно дрожали, а взгляд беспокойно метался по комнате, словно он до сих пор не мог прийти в себя после разговора.

Он прошёл мимо нас, остановился у выхода — и обернулся.

— Не пытайтесь соврать, — шёпотом сообщил он нам — и вышел из приёмной.

Мы переглянулись, но сказать хоть слово не успел ни один из нас. Над головой из ниоткуда раздался мужской голос.

— Леди Аурелия Эвергрин, прошу зайти.

Хм, подумала я, ещё одна Аурелия. Наверное, очень популярное имя. И осталась сидеть.

Парни с недоумением смотрели то на меня, то на девушку с платком.

— Леди Аурелия Эвергрин, зайдите в кабинет. Вас ожидают. — Повторно раздался над головой тот же голос.

И тут все как по команде повернули головы. Сначала на меня. Потом на девушку с платком. Потом снова на меня.

Так, ясно, значит Эвергрин это я, подумала я и с улыбкой поднялась с кресла. Одёрнув платье и с максимально невозмутимым видом я направилась к двери. Внутри при этом

творилось что-то совершенно противоположное невозмутимости, но это уже было моё личное дело.

Войдя в кабинет, я первым делом встретила взглядом с невероятно синими глазами. Настолько синими, что первая мысль была совершенно нелепой: *линзы*. Потом я вспомнила, что нахожусь в другом мире, и мысленно махнула на эту идею рукой.

Мужчина сидел за широким письменным столом, но даже так было понятно — ростом природа его не обидела. Широкие плечи, мощная шея, тёмная рубашка, туго облегавшая крепкую фигуру. Выющиеся каштановые волосы беспорядочно спадали почти до плеч, будто расчёска давно перестала быть для него предметом первой необходимости.

Лицо трудно было назвать красивым в привычном смысле. Скорее... выразительным. Высокие скулы, прямой нос с едва заметной горбинкой, волевой подбородок и чуть нахмуренные брови. Всё вместе создавало впечатление человека, который улыбается редко и терпеть не может, когда ему мешают работать.

Я невольно задержала взгляд. Нет, красивый, конечно. Но ещё сильнее бросалось в глаза другое — рядом с таким человеком почему-то сразу хотелось держаться немного осторожнее.

Несколько секунд в кабинете стояла тишина.

— Ну что, леди... насмотрелись? — Спросил он с лёгкой усмешкой.

— Вполне, — ответила я.

Он явно не ожидал такого ответа. Хмыкнул — коротко, как человек, которого удивить непросто, но у меня получилось — и кивнул на кресло напротив.

— Садитесь. Я — Верховный магистр боевой магии Дариан Вальмор. — Он открыл лежащую перед ним папку. — В вашей анкете сказано, что вы работаете служанкой в доме госпожи Мерит Вайлес.

— Да, так и есть. Но никакой анкеты я не заполняла.

Он посмотрел на меня с лёгким недоумением.

— Анкеты заполняем мы. Из той информации, которую находим.

— Аа, ну тогда снимаю вопрос, — ответила я с самой невинной улыбкой, на которую была способна.

Он, кажется, не знал, что с этим делать — и вернулся к бумагам.

— Здесь сказано, что в возрасте десяти лет вас нашли без сознания у ворот поместья госпожи Мерит. Одеты вы были в тонкую сорочку. При вас из вещей было лишь вот это.

И тут он ставит на стол золотую цепочку с маленьким кулоном на котором мелкими буквами было выгравировано имя: *Аурелия*.

— Красивый, и видно что дорогой, — подумала я глядя на эту красоту. — У простой служанки таких вещей точно не могло быть.

— На все вопросы вы отвечали молчанием, — продолжал

магистр. — Госпожа Мерит пожалела вас и оставила при себе.

— Ничего себе, пожалела, — подумала я, а вслух спросила: — Откуда у вас это?

— Госпожа Вайлес была так добра и передала нам ваше украшение вместе с вашими документами.

— Ааа, ну да, действительно добра. — Хмыкнула я про себя.

Он бросил на меня короткий взгляд и продолжил:

— Как звали вашего отца, леди?

— Я не помню.

— Сколько вам полных лет?

— Не знаю, — сказала я, и это прозвучало настолько искренне, что он на секунду замолчал.

— Есть кто-то из родни?

— Не помню. Скорее нет.

— Хотя что-то вы помните?

— Не особо.

Он помолчал. Сдвинул брови чуть сильнее — я уже начала думать, что это его обычное выражение лица, а не признак раздражения. Потом произнёс медленно, как говорят вещи важные и неприятные одновременно:

— У нашей комиссии есть определённые предположения относительно вас, леди. Мы предполагаем, что вам запечатали не только магию, которая неизвестно почему и как, нашла трещину и медленно но упорно ищет выход наружу, но

и стёрли вам память.

Произнеся всё это он смотрел на меня в упор и наверное ждал моей реакции. А меня будто обухом по голове треснули. Я сидела и не могла понять ни слова из того что он сказал. Ну не доходил до меня смысл сказанного.

— Я не понимаю о чём вы говорите. — Сказала я подняв на него взгляд.

— Академия предлагает вам распечатание дара, — сказал он ровно. — Есть вероятность, что вместе с этим вернётся и память. Но гарантий нет. И предупреждаю сразу — это больно. Однако магия так или иначе будет выходить — с нашей помощью или без неё. Разница лишь в том, сколько времени это займёт и насколько это будет... управляемо.

Он снова замолчал, давая мне время переварить услышанное.

— Мы даём вам день на обдумывание. Если по истечении этого срока вы не явитесь в Академию, значит, мы ничем не сможем вам помочь. С тем уровнем магии, который у вас есть сейчас, принять вас на обучение мы не вправе.

— Это всё. Всего хорошего, леди Эвергрин.

Этими словами он дал понять что разговор окончен.

Я поднялась на ватных ногах и направилась к выходу. Почему-то шутить уже не хотелось совсем.

Я уже взялась за ручку двери, как сзади раздался его тихий голос: — Очень надеюсь на ваше благоразумие Аурелия.

И я, — пронеслось у меня в голове, пока выходила в ко-

ридор, — и я, магистр. Очень надеюсь.

Глава 11

Покинув кабинет магистра Вальмора, я направилась к выходу.

Красота вокруг уже не притягивала взгляд так, как вначале. Высокие своды, портреты на стенах — всё это по-прежнему было здесь. Просто мысли мои были слишком далеко. Они скакали как воробьи с ветки на ветку, и я никак не могла поймать за хвост ни одну из них. Внезапно всплыл утренний разговор с госпожой Берттой: «Дар есть именно у тебя. У Аурелии не было магии». После, в голове раздался голос магистра: «Мы предполагаем, что вам запечатали не только магию, но и стёрли память».

— Как? Ну как это возможно? — Пробормотала я себе под нос.

Значит, Аурелии запечатали магию. Госпожа Бертта чувствовала силу только тогда, когда я оказывалась в этом теле. Но что это означает? А может, Аурелия всё о себе помнила — просто молчала? Или это вообще какой-то невероятно реалистичный сон, и я сейчас проснусь в своей кровати, в своём шумном, понятном, техногенном мире?

Паника нарастала с немыслимой скоростью, и мне никак не удавалось её уговорить.

И тут в голову пришла мысль, от которой стало совсем плохо.

Если память вернётся... что будет со мной?

Нет, серьёзно. Вот снимут они эту печать, вернут Аурелии всё, что у неё когда-то забрали... И куда тогда денется Татьяна Сергеевна, воспитательница детского сада? Исчезну? Растворюсь? Или мы с ней как-то... объединимся в одного человека с двумя наборами воспоминаний и полным непониманием, кто из нас настоящая?

Хотя... а вдруг всё наоборот? Вдруг я просто окажусь в своём теле, и эти бесконечные скачки между мирами наконец закончатся?

От этой мысли я даже замедлила шаг. До сих пор я больше всего боялась разоблачения. Боялась, что кто-нибудь заметит: Аурелия ведёт себя совсем не так, как раньше. Другие жесты, другая мимика, другая манера говорить. Если госпожа Бертта смогла это понять, то где гарантия, что однажды не догадается кто-то ещё? Та же госпожа Мерит, например. Она далеко не глупая женщина, да и жизненного опыта у неё куда больше, чем у меня.

Но теперь я вдруг поняла, что боюсь совсем другого.

А вдруг исчезну я?

Не Аурелия. Я.

Я шла через внутренний двор и почти не смотрела по сторонам. Хотя жизнь вокруг, кажется, была ключом. Кто-то смеялся так громко, что эхо прокатилось между башнями. Мимо пробежали двое ребят, едва не столкнувшись со мной, и один на ходу размахивал блестящим жетоном, что-то воз-

буждённо доказывая приятелю. Неподаляку несколько человек окружили девушку, которая с горящими глазами что-то им рассказывала, то и дело вскидывая руки. Кажется, сегодня каждый спешил поделиться своей радостью.

Для всех сегодня началась новая жизнь.

А у меня она будто наоборот — остановилась. Замерла на месте и ждёт, пока я приму какое-то решение, которое я пока не готова принимать.

Додумать эту мысль до конца я не успела — кто-то с визгом влетел в меня и принялся трясти за плечи.

— Ну как, какой у тебя дар? — с улыбкой до ушей спросила девушка — та самая круглолицая, которая толкнула меня локтем ещё в коридоре, когда я разговаривала сама с собой. И, не дождавшись ответа — видно, он ей и не особо был нужен, — затараторила дальше: — Представляешь, у меня пространственная магия! Теперь смогу перемещаться на далёкие расстояния, без всей этой тряски в каретах и дилижансах. И ещё — знаешь, почему нас так мало было с приглашениями? Потому что у нас у всех очень редкий дар. Вот.

Она говорила быстро, радостно, с таким неподдельным восторгом, что мне почти стало легче просто от того, что я её слушала. Почти.

Потом она, видимо, наконец заметила, что я как-то не очень реагирую, и с виноватым лицом спросила:

— Тебя что, не приняли?

Я улыбнулась и похлопала её по плечу.

— Не знаю. Сказали — сообщат завтра, — ответила я с таким энтузиазмом, на какой только была способна в данных обстоятельствах.

— Я уверена, что тебя возьмут! Вот увидишь, — сказала она так убеждённо, как говорят люди, которые искренне верят в хорошее и пока не видят оснований для обратного.

Потом развернулась и побежала куда-то вглубь Академии — лёгкая, счастливая, с развевающейся косой. Я смотрела ей вслед и уже собиралась вздохнуть и тоже идти, как она вдруг резко затормозила — так, что каблуки скрипнули о камень — и обернулась.

— Меня, кстати, Сэль зовут! — крикнула она через весь двор совершенно без смущения, хотя на неё обернулись человек десять. — Сэль Даро! Запомни — пригодится!

Вот ведь удивительный человек, подумала я. Мы знакомы меньше пяти минут, а она уже совершенно уверена, что мы ещё встретимся.

— Ты ведь придёшь завтра? — крикнула она, уже отступая в глубину двора.

— Надеюсь, — ответила я.

— Тогда увидимся!

И умчалась, не дожидаясь ответа.

Я стояла и смотрела туда, где она только что была.

Сэль Даро. Пространственная магия. Улыбка до ушей и абсолютная уверенность в том, что всё будет хорошо. Вот кому море по колено — никаких тебе загадочных кулонов,

никакой запечатанной памяти, никаких тихих страшных вопросов про то, существуешь ли ты вообще по-настоящему. Просто пришла, узнала, обрадовалась, убежала. Всё как у людей. Не то что у меня — у меня, как обычно, всё вверх ногами.

Я невольно улыбнулась. Нет, правда... что-то в этой Сэль было удивительно светлое. Она смотрела на мир так, будто ещё ни разу в нём не разочаровалась. И почему-то от этого мне самой стало немного легче. Совсем чуть-чуть, но всё же.

Весь путь до ворот Академии прошёл в попытках взять под контроль выражение лица. Снаружи — спокойствие. Внутри — полный кавардак. Нужно было принять решение. Завтра. И я понятия не имела, какое именно.

Когда я вышла за ворота, Мила с минуту молча смотрела на меня — изучающе, как смотрят, когда пытаются понять что-то по глазам, — а потом бросилась обнимать.

— Поздравляю! — выдохнула она мне в плечо. — Какой у тебя дар? Говори, не томи!

Вот ведь... Ничего ещё не знает, а уже поздравляет. Удивительная всё-таки девчонка.

— Не знаю, — ответила я. — Потом скажут.

Мила открыла рот — явно собиралась спросить ещё что-то, — но тут подал голос Лука.

— Если закончили — едем, — сказал он и зашагал к повозке.

Всё. На сегодня его словарный запас, видимо, был исчер-

пан.

Мы молча забрались в повозку. Лука привычно взял вожжи, лошади неторопливо тронулись с места, и ворота Академии медленно остались позади.

Мила всю дорогу что-то рассказывала. То вспоминала огромных грифонов у ворот, то восторгалась эльфами, которых увидела на площади, то снова принималась гадать, каким может оказаться мой дар. Я слушала её вполуха, время от времени кивала, даже что-то отвечала, но сама почти не понимала, о чём она говорит.

За окном снова проплывал город. Те же улицы, тот же фонтан, те же лавки, возле которых утром толпились люди. Только теперь всё это словно происходило где-то очень далеко.

Перед глазами снова и снова всплывал кулон с именем. Потом лицо магистра Вальмора. Потом слова госпожи Берты.

«Дар есть именно у тебя».

«Мы предполагаем, что вам стёрли память».

Я закрыла глаза и тихонько прислонилась виском к стенке повозки.

Завтра мне предстояло решить, довериться ли людям, которых я знаю меньше суток.

И почему-то больше всего меня пугала вовсе не боль.

А то, что после неё я могу проснуться уже совсем другим человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.